

«Боязнью и жаждой развязки»

Вл. Соловьев и А.Блок

Как бы ни относиться сегодня к философско-исторической концепции Вл. Соловьева, в ней есть одно бесспорное достоинство, которое существенно если не для прогнозирования судеб времен и народов, то уж, во всяком случае, — для нравственной и культурной жизни: она соизмеряет всемирно-исторические процессы с эмоциональным миром отдельных людей, замыкает всемирно-исторические процессы на тех страстях, которые способны захватить целые народы. Именно это свойство соловьевской концепции увлекло Блока. Через два года после «Скифов» Блок написал к двадцатилетию со дня смерти великого философа статью «Владимир Соловьев в наши дни», где специально отмечает его пророческий дар. Блок прямо считает, что «Владимиру Соловьеву судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире. Рост размеров этих событий ныне каждый из нас, не лишившийся зрения, может наблюдать почти ежедневно».

Блок имеет в виду не столько конкретные черты революции, которая явно не укладывалась в мистические предвидения Вл. Соловьева, сколько общую атмосферу, тот грозный воздух истории, которым дышат люди. Блок уподобляет эту атмосферу эпохе первых веков христианства, когда шла борьба между римской цивилизацией и варварскими племенами. Истинного смысла этой борьбы не предвидели ни римляне, ни варвары. Им было невдомек, что в мир грядет «третья сила», которой история прокладывает дорогу, что «все голоса их боевых труб уже заглушаются голодом третьей трубы». Этим победным голосом был трубный глас христианства. Так и ныне лидеры борющихся сторон, считает А.Блок, не умеют почувствовать воскрешающуюся в современности силу нового христианства.

Эту тайну как раз и подслушал Вл. Соловьев, которому «при жизни не было приюта меж двух враждебных станом». «Если Вл. Соловьев был носителем и провозвестником будущего — а я думаю, что он был таковым, и в этом заключается смысл той странной роли, которую он играл в русском и отчасти европейском обществе, — пишет А.Блок, — то, очевидно, что он был одержим страшной тревогой, беспокойством, способным довести до безумия. Его весьма брэнная оболочка была как бы приспособлена к этому; весьма вероятно, что человек вполне здоровый, трезвый и уравновешенный не вынес бы этого постоянного стояния на ветру из открытого в будущее окна, этих постоянных нарушений равновесия. Такой человек просто изнасил бы слишком скоро, он занемог бы или сошел с ума».

Всем сердцем ожидая пришествия вселенского христианства как царства добра и справедливости, Вл. Соловьев год от года мог наблюдать, как силы христианства никнут и как надежды его на русский народ — «народ богоносец», на русское государство — государство, в его глазах теократическое, христианское по преимуществу, не оправдываются. Вместо ожидаемого второго пришествия Христа Вл. Соловьеву все более виделось приближение царства Антихриста, неизбежность эпохи анархии, хаоса, безначалия и жестокости. Но еще тяжелее было то, что, согласно нравственному убеждению Вл. Соловьева, надо было признать не только неизбежность, но и справедливость торжества зла в сердцах человеческих и царствах земных. Ведь историческая справедливость должна быть признана за силой победящей, ибо историческая мистика Вл. Соловьева с неизбежностью признавала высший промысел, определяющий все человеческие дела. Снова бы, он должен был, вы-

нуждал себя приветствовать наступление нового варварства. Оставалась только надежда, не менее твердая, чем достоверное знание, что история не может завершиться Антихристом, что царство Антихриста есть лишь промежуточная ступень к новому пришествию Христа.

Двустипшие из «Панмонголизма» в эпиграфе к «Скифам» дает основание предполагать, что влияние Вл. Соловьева на умонастроение Блока в первые месяцы после октября 1917 года было достаточно глубоким. Убеждает в том и зловещий тон, трагический пафос стихов. Косвенным подтверждением служит также неожиданный для всех финал поэмы «Двенадцать», написанной в январе 1918 года, где во главе революционного шествия в метельном вихре обозначается фигура Иисуса Христа. Невидимый героям поэмы, Он, по мысли Блока, ведет их сквозь анархию и бунт в грядущее царство братства и мировой гармонии — взгляд целиком в русле исторических предчувствий Вл. Соловьева. Разумеется, только в предощущении этого грядущего царства Блок мог столь безоговорочно принять революцию со всеми ее «жертвами и ужасами».

Он принял ее вполне романтически, исходя из самых фантастических представлений о ее реальном содержании, представлений, окрашенных в тона соловьевской эсхатологии. И это свидетельствовало о власти традиции, внутри которой Блок развивался. Он не мог ее отбросить, сменить, она срослась с ним, с его индивидуальностью, оп-

ределила его ощущение и понимание событий. Он стремился найти этой традиции действенное приложение к современности — для него это равносильно было обретению собственной гармонии с меняющимся миром.

Поэт должен был восторгаться разгулом «скифства», поскольку ощущал в нем дыхание мировой истории. Свое слияние с «тьмами» он наложил на себя как епитимью. «Музыку революции», которую он напряженно слушал и призывал к тому другим, можно было услышать лишь мучительно обостренным слу-

Похороны Александра Блока.
Петербург, 10 августа 1921.

хом: черты будущей гармонии в анархической стихии этих месяцев разглядеть было мало кому под силу. Лишь безграничная вера в эту гармонию, воспринятая от Вл. Соловьева, обостряла слух Блока. Но она же обрекала его на жестокую изоляцию.

Наверное, он глядел на совершающиеся события глазами Вл. Соловьева, идентифицировал себя с ним. И если Вл. Соловьев их лишь предчувствовал, то вокруг Блока они непосредственно происходили,

и потому со своим взглядом на них он был еще более одинок. Цивилизация представлялась ему в состоянии «сна», бессилия перед исторической необходимостью. Возмездие казалось ему неотвратимым и исторически оправданным — поэтической разработке этой идеи он отдал 10 лет. Его чувства, высказанные в душераздирающем по апокалиптической силе стихотворении, способны были вызвать лишь негодование одних и холодное недоумение других. Аналогичную реакцию вызвала и поэма «Двенадцать», после появления которой с Блоком многие из его круга перестали здороваться. Но, разумеется, остановить Блока это не могло.

Когда-то, многими годами раньше, Д.Мережковский под несомненным влиянием Вл. Соловьева писал: «Только будущий анархист, человек последнего бунта, последнего отчаяния есть первый из людей, который услышит и примет благовестие новой религии». Таким человеком, вероятно, ощущал себя Блок.

Он уже встречал ветер истории не у «открытого окна в будущее», как Вл. Соловьев, а на самом сквозняке. Ветер гулял повсюду, и некуда было укрыться, оставалось лишь отдаваться его порывам, гореть на ветру. Ощущение это позднее с поразительной точностью и проникновением было передано Борисом Пастернаком:

*Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.*

*Блок ждал этой бури и встряски.
Ее огневые штрихи
Боязнью и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.*

Мы не случайно позволили себе остановиться подробно на характеристике блоковской интерпретации проблемы «Запада» и «Востока» в первые послеоктябрьские месяцы. В основе своей это была позиция верного последователя Вл.Соловьева, и по существу «Скифы» Блока, при всей трансформации, которую претерпела авторская позиция поэта в сравнении с позицией Вл.Соловьева, отчетливо раскрывают судьбу историко-философской концепции великого русского философа в бурно меняющейся ситуации первых десятилетий нового века. В судьбе Блока и некоторых других представителей его поколения она «проросла» в XX век и создала один из плацдармов духовного противостояния всеокрушающему напору варварской тьмы.

Проследить это прорастание представляется тем более обоснованным, что проблема противостояния «Запада» и «Востока» — отнюдь не специфическое достояние истории. Оно в известном смысле субстанционально и коренится не только в особом географическом положении России, вынужденной самоопределяться между двумя полярными очагами мирового развития, но и в многовековой истории страны, включавшей в себя и усваивавшей попеременно подчас контрастные влияния с той и другой стороны. А в конечном счете — в своеобразном менталитете исторически сложившегося национального характера. Естественно, что в текущей истории обе ипостаси народной души так или иначе будут проявляться, сталкиваться, взаимодействовать, прежде чем она сумеет сложиться в нечто цельное и единое. По сей день, как это очевидно вытекает из пережитого опыта XX века, такое воссоединение еще не произошло, и жизнь все больше отодвигает его в седую туманную даль.

Москва

31